

Белая лебедь

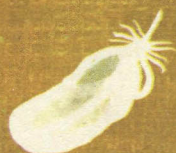

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1987

1 р. 40 к.

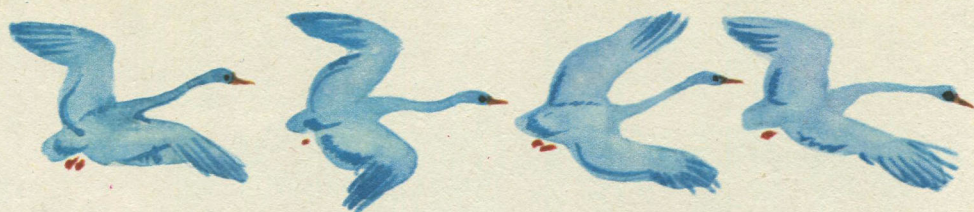

Издательство
• МАЛЫШ •

Белая Лебедь

СКАЗКИ НАРОДОВ РСФСР

*Рисунки
А. Кокоркина*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1987

Мудрый старик

русская
сказка

Так ли оно было, не знаю, а как слышал, так и рассказываю.

Жил один крестьянин. У него был сын. Когда парень подрос и начал помогать по хозяйству, отец и говорит:

— Гляжу на тебя и вижу: за все дела ты хорошо принимаешься. Время идёт; молодое растёт, старое старится. Скоро возмужаешь да женишься и сам станешь на хозяйство. Вот и запомни мои слова. Живи так, чтобы в каждой деревне был у тебя свой дом. И пусть у тебя каждый день будут новые сапоги. И живи так, чтобы люди тебе кланялись. И всегда будешь справным хозяином.

Удивился сын таким речам и спрашивает:

— Чего-то не пойму тебя: разве я могу поставить в

каждой деревне дом? И как можно покупать каждый день новые сапоги? Да и как жить, чтобы люди мне кланялись?

Улыбнулся отец и вымолвил:

— Не тужи, сынок. Мой совет легко исполнить. Захочешь в каждой деревне быть как дома, заведи в каждой верного надёжного друга. А чтобы каждый день были у тебя новые сапоги, надо с вечера хорошо их вымыть и вычистить. Ну, а чтобы люди тебе первому кланялись, вставай раньше всех, выходи на работу первым, тогда каждый, кто позже тебя выйдет, поздоровается с тобой первым.

Пришла пора, сын сам встал на хозяйство. Он помнил слова отца и жил хорошо.

А в том царстве-государстве был такой закон: тех, кто состарится и в работу не годится, отвозили к палачу и лишали жизни.

Пришло время, состарился и тот крестьянин, о ком рассказываю. Но сыну жалко было отца, не захотел он отдавать его царскому палачу. Он ещё задолго до той поры пристроил в своём доме тёплую горницу да так всё приспособил, что и узнать про неё нельзя было. Потихоньку от людей поселил там старика отца.

Много ли, мало ли прошло времени, наехали царские стражники:

— Где твой отец?

— Не знаю. Три дня как ушёл вот и не воротился.

Стражники поискали, весь дом обшарили, во все углы заглядывали, в сарае и на сеновале побывали, а потайной горницы так и не заметили. Стали соседей спрашивать, а те отвечают:

— Ещё на прошлой неделе был дома, а вот уж дня три, как его не видно.

— Как воротится домой, дайте знать! — приказали стражники.

А через малое время наехали стражники ещё раз. А сын и соседи в один голос говорят:

— С тех пор, как тогда ушёл, дома не был.

А старик живёт в потайной горенке. Кое-что мастерит, помогает семье да советует, что и как делать.

Пришла весна. Старик и говорит:

— По всем приметам лето будет засушливое. Яровые надо сеять в низинах, по сырым местам.

Сын так и сделал. Посеял яровые по низинам, по сырым местам. А люди посмеиваются:

— Что это он чудит: сеет по низинам. Ведь ничего не вырастет, не уродится. Семян не собрать!

А лето выдалось на редкость засушливое, жаркое. Дождей совсем не выпадало, а солнышко палило. Когда пришло время убирать, в низинах хлеб стеной стоял, и сын собрал богатый урожай. А у соседей на высоких местах всё повыгорело.

На другую весну все в округе принялись засеивать низины, сырые места. А старик отец говорит:

— По всему видать — лето будет дождливое, мокрое. Ты ни на кого не гляди, сей на взлобках, на сухих местах.

И правда, как говорил старик отец, так оно и вышло. Всё лето шли дожди, сухого дня не бывало. У тех, кто посеял на низких землях, посевы на корню сопрели, а у старикова сына опять яровое уродилось на славу. Дивился народ:

— Не иначе, как знается с нечистой силой, ежели наперёд знает, где надо сеять.

И слухи о молодом удачливом хозяине широко пошли. Докатилась молва и до царя. Повелел царь:

— Коли он такой удачливый и умный, пусть придёт ко мне ни голый и ни одетый.

Услышал про этот приказ сын и затужил, опечалился, голову повесил. Старик отец спрашивает:

— Что, сынок, такой хмурый? Какая печаль тебя гложет?

Рассказал сын про царский приказ. Отец утешает:

— Не горюй, дело это нехитрое. Возьми старую сеть, завернись в неё и ступай во дворец. Будешь ни голый и ни одетый.

Как сказал отец, так сын и сделал.

Увидал его царь в таком наряде и молвил:

— Молодец! Сумел мой приказ исполнить!

Послал молодца на поварню, велел накормить, а потом сказал:

— Вот тебе десяток варёных яиц. Пусть твоя наседка высидит цыплят! Сроку даю три недели. Ступай!

Воротился сын домой в большой тоске. Спрашивает отца:

— Ну, что сказал царь?

— Похвалил. Да что в том проку, когда ещё труднее задачу дал.

— Расскажи. Может, я помогу? Ведь не даром говорится: «Ум хорошо, а два — лучше».

— Ничем тут помочь нельзя. Слыханное ли дело, чтобы из варёных яиц цыплят вывести?!

— Не печалься, сынок, — утешает отец, — и этому делу помочь можно, ежели с умом взяться. Давай-ка эти варёные яйца облупим да поужинаем. А придёт время, пойдёшь к царю, снесёшь ему горшочек варёного пшена и скажешь, чтобы то пшено посеяли и просо вырастили для тех цыплят, что из варёных яиц выведутся.

Так и сделали, как сказал старик. Яйца за ужином съели, а сын пошёл к царю, принёс горшочек варёного пшена:

— Прикажи, царь-государь, варёное пшено посеять да вырастить просо. Когда выведутся цыплята из тех яиц, их надо кормить только таким просом.

Подивился царь. Сам думает: «Ну, сметлив, догадлив ты, а я поумнее тебя буду». И сказал:

— И эту загадку ты разгадал, хвалю тебя! Через три дня приходи ко мне ни пешком, ни на коне, с подарком и без подарка. Ежели исполнишь всё, как надо, награжу по-царски, а не исполнишь, пеняй на себя: мой меч — твоя голова с плеч!

Воротился сын домой — на нём лица нет.

Встревожился отец:

— Что с тобой? Какая беда?

— Да вот, привязался ко мне царь. Хочет сжить со свету. На этот раз не избежать мне смерти. Принял сперва хорошо, похвалил. И новую задачу задал. Велел через три дня быть во дворе ни пешком, ни на коне, ни с подарком, ни без подарка. А не исполню — жизни лишит.

— Ничего, — утешает отец. — Утро вечера мудренее. А сейчас поужинай да ложись спать.

На другое утро разбудил старик отец сына рано со светом и говорит:

— А я научу тебя, как быть.

Пришёл сын из лесу к обеду. Принёс, как наказал отец, живого зайца и живую перепёлку.

— Вот и хорошо! — похвалил отец. — Послезавтра поди к царю. Зайца привяжи к ноге так, будто на нём едешь, а перепёлку держи за пазухой. А дальше вот как сделай...

И рассказал сыну, как ему быть.

Когда настал срок, отправился сын во дворец. А царь, как завидел молодца, приказал спустить с цепи собак.

— Как только войдёт во двор, кинутся на него собаки и разорвут на клочки!

А сын завидел собак, оборвал верёвку, заяц и кинулся бежать, а собаки бросились вслед за зайцем и не тронули молодца. Тут он увидел царя на верхней ступеньке крыльца. Смело поднялся и проговорил:

— Вот я и прибыл во дворец, как ты приказал: ни пешком, ни на коне, приехал на зайце. А вот тебе подарок.

С теми словами вытащил из-за пазухи живую перепёлку. Царь протянул руку, а молодец разжал пальцы... Перепёлка порх — и улетела.

— Значит, с подарком и без подарка, как ты и велел.

— И эту загадку ты разгадал правильно, мо-

лодец! — похвалил царь. — А теперь скажи, куда ушёл твой старик отец? Где он скрывается? Ежели скажешь правду, за наградой не постою, а не скажешь, прикажу казнить!

— Отец меня вырастил. Поил-кормил, на ум наставлял, — отвечал молодец. — Как же я мог отдать его твоим стражникам, чтобы палач лишил его жизни? Вот и пристроил в доме потаённую горенку и поселил в ней отца... Он не может быть мне в тягость. Мудрые советы отца помогают мне хорошо жить.

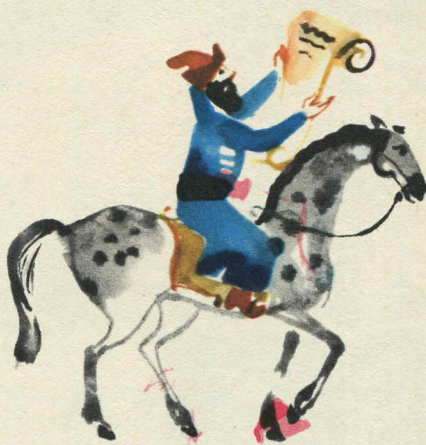
И рассказал о том, как по отцовскому совету он два года подряд вырастил хороший урожай, когда другие остались без хлеба.

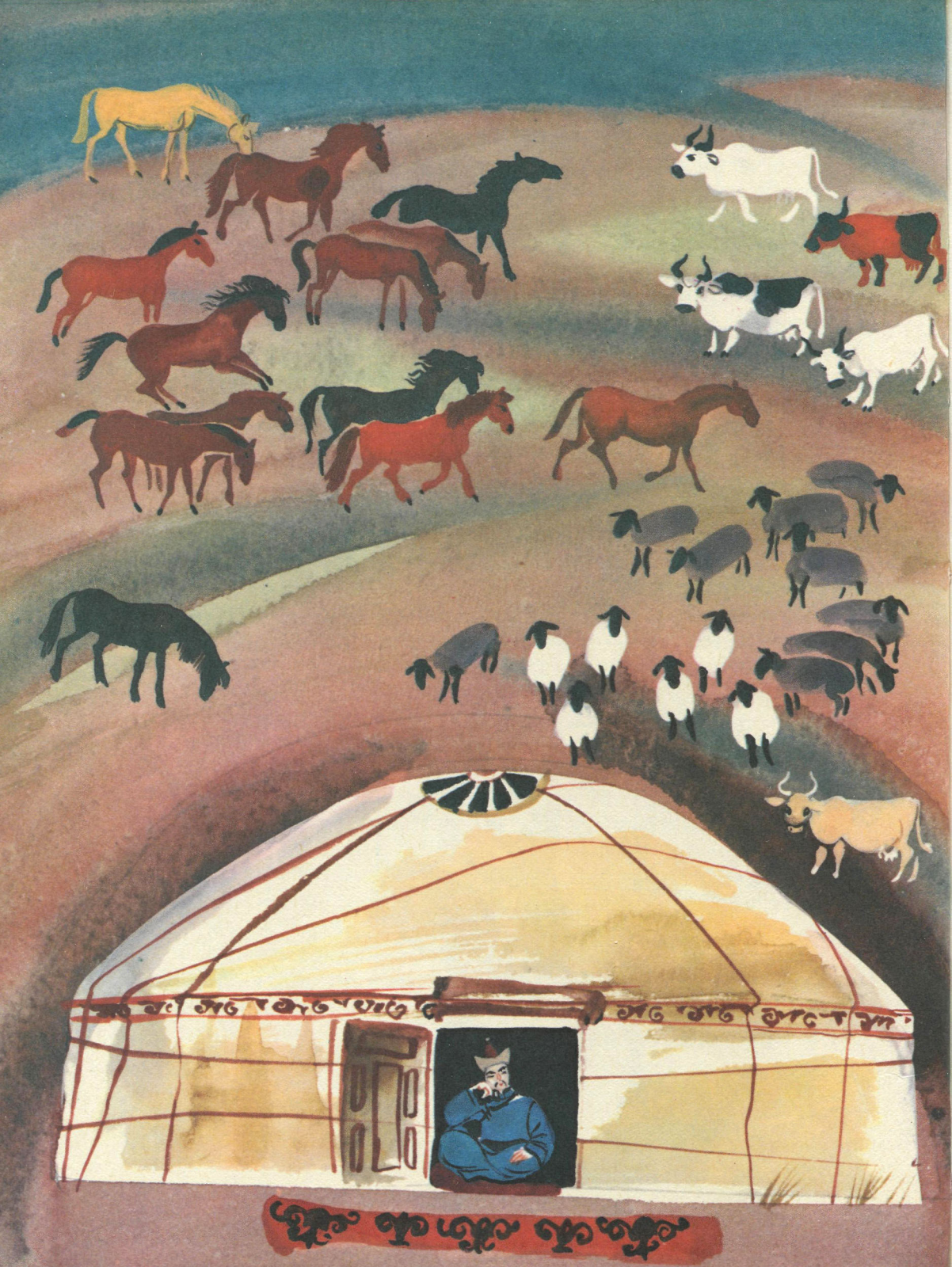
— Мой старый отец мне дороже всего. Без него жизнь не в жизнь.

— Ну, а загадки, что я тебе загадывал, помогал тебе отгадывать отец?

— Да разве без советов отца мог бы я с твоими загадками справиться? — отвечал сын.

Царь подумал: «А ведь правда — старики мудры, от них много пользы», — и отменил жестокий закон.

മലയാളം

Как Оскюс-оол обыграл хана

тувинская
сказка

Ж

ил когда-то старик. Был у него единственный сын Оскюс-оол. Когда старик умер, парню осталось тридцать лошадей, тридцать коров и тридцать овец.

«Нет у меня братьев, нет сестёр, — подумал Оскюс-оол. — Зачем мне одному столько скота? Лучше я променяю его на знания».

И он погнал своё стадо на север. Вскоре увидел несколько юрт. Он заглянул в первую юрту. Там люди играли в шахматы.

— Откуда ты пришёл? Что ищешь? — спросили его.

— Я пришёл с юга. Родители мои умерли. Мне оставили много скота. Я решил променять его на знания. Научите меня игре в шахматы, и я отдам вам

тридцать овец, — сказал Оскюс-оол.

Игроки согласились. Прошло три месяца, и стал Оскюс-оол обыгрывать своих учителей. Тогда он попрощался с ними и погнал своё стадо дальше.

Скоро подъехал к белой юрте. Там три человека показывали друг другу фокусы.

— Откуда ты? Что ищешь? — спросили его.

— Я пришёл с юга. Родители мои умерли, мне осталось много скота. Я решил променять его на знания. Уже умею играть в шахматы. Научите меня вашим фокусам, и я отдам вам тридцать коров, — сказал Оскюс-оол.

Фокусники согласились. Прошло два месяца, и стал Оскюс-оол показывать фокусы лучше своих учителей. Тогда он попрощался с ними и двинулся дальше на север.

Вскоре опять встретил юрту. Там три человека упражнялись в счёте. Оскюс-оол рассказал им, что своих овец и коров он отдал за учение и теперь умеет играть в шахматы и показывать фокусы.

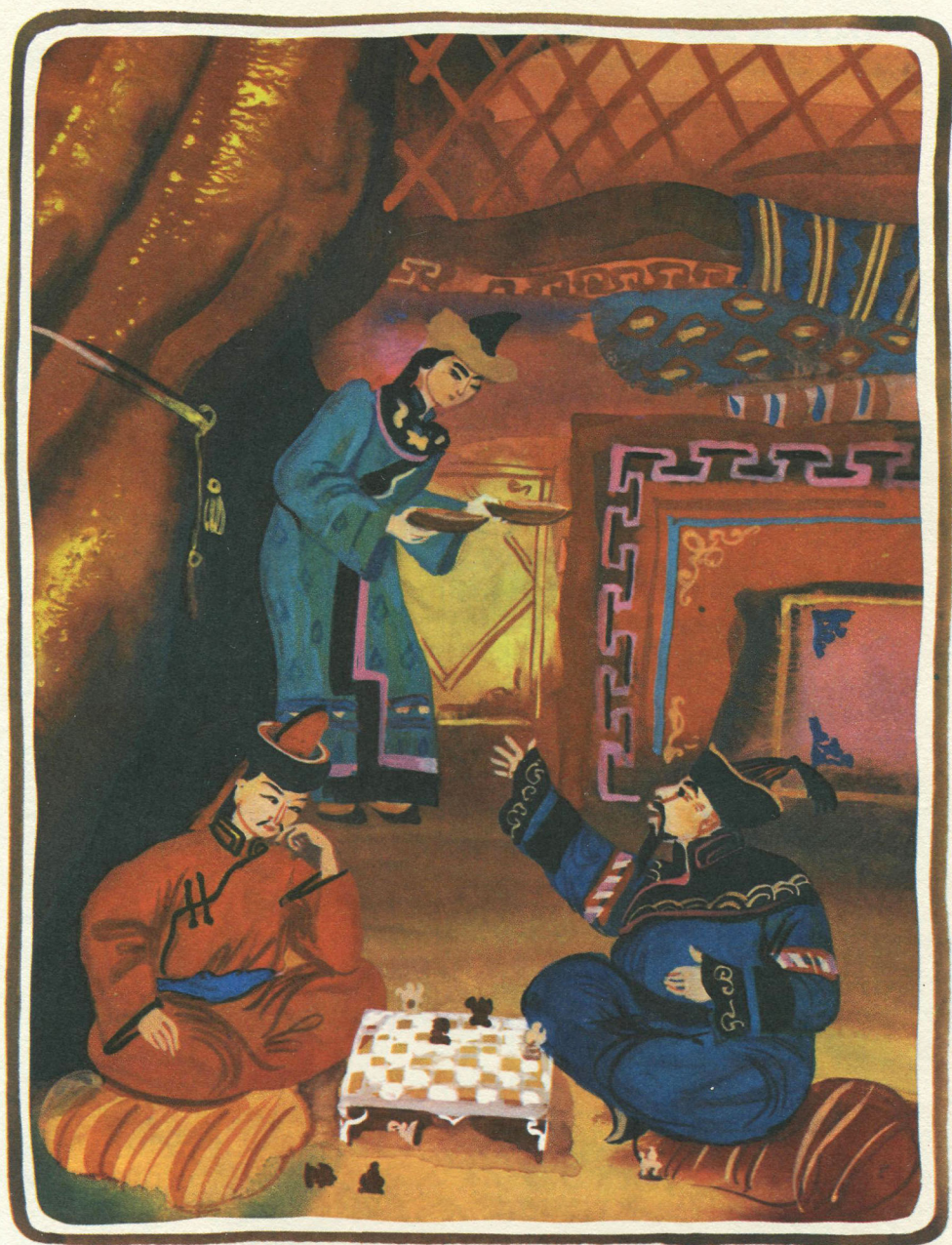
— Научите меня считать, и я отдам вам двадцать девять лошадей, — сказал он.

Учёные люди согласились. Через месяц стал Оскюс-оол считать не хуже учителей. Тогда он попрощался с ними, сел на своего единственного коня и поехал дальше.

От людей он узнал, что за перевалом живёт хитрый Караты-хан. С каждым путником он играет в шахматы. Кто ему проиграет — тому всю жизнь пасти ханских овец, а кто трижды его обыграет — тому достанутся все ханские овцы с пастухами. Но пока никто не обыграл хана. Каждый, кто с ним играл, стал навечно его пастухом.

«Надо сыграть с ханом, — подумал Оскюс-оол, — не зря ведь я учился!»

Парень взобрался на перевал и спустился в широкую степь. Там он увидел множество овец. Это были овцы Караты-хана. Оскюс-оол пересчитал пастухов.

Их было девяносто девять. «Если проиграю, у хана будет сто пастухов, а если выиграю — все пастухи будут свободны». — Так подумал парень и направился к юрте хана.

— Откуда ты, странник? Что ищешь? — спросил Караты-хан.

— Я приехал из-за гор. Хочу сыграть с вами в шахматы. Говорят, можно выиграть ваших овец, ваших пастухов, — ответил Оскюс-оол.

Хан рассмеялся:

— Выиграть! Ты, бродяга, захотел выиграть! Скажи-ка лучше, что ты видел, когда спустился в мою долину?

— Я видел ваших овец и ваших пастухов.

— Пойди-ка сперва пересчитай, сколько там пастухов, а тогда уж будем играть, — сказал хан.

— Я пересчитал, — ответил Оскюс-оол. — Их девяносто девять. Если проиграю, будет сто. А если выиграю, все пастухи будут свободны!

Удивился хан, что простой человек счёту обучен, и сел играть. Скоро увидел, что проигрывает.

— Э-э, парень, постой, — сказал он. — Шахматы — игра трудная, долгая. А человек есть-пить хочет. Давай отдохнём, поедим.

Жена хана принесла им еду на двух золотых тарелках. Оскюс-оол понял: еда, что стоит перед ханом, — глаза просветляет, ум оживляет, а еда, что стоит перед ним, — глаза туманит и ум дурманит. Но не зря он учился фокусам. Хан и глазом моргнуть не успел, как Оскюс-оол поменял тарелки.

После еды продолжили игру. Через несколько ходов хан проиграл.

— Один раз я выиграл, — сказал учёный парень, — осталось ещё два.

Хан со злобой на него посмотрел, и они начали вторую игру. И опять Оскюс-оол пересиливает, и опять хан кричит:

— Жена, принеси еды — силы наши подкрепить!

Опять появились перед ними две золотые тарелки, и опять их поменял ловкий парень.

После еды глаза у хана затуманились. Не знает, что делать. Скоро проиграл.

— Сыграем в последний раз, — сказал Оскюс-оол.

Хан со страхом на него посмотрел, и они начали третью игру. После первых ходов хан понял: игра проиграна. Снова приказал принести еды, снова Оскюс-оол поменял тарелки. Едва хан поел — в глазах у него зарябило, фигуры запрыгали. Через три хода Оскюс-оол обыграл хана.

— Ну что, хан, все три раза выиграл я! Весь скот и пастухи теперь мои!

Пришлось хану признать победу парня. Жаль было расставаться со скотом и пастухами, да ничего не поделаешь.

— Всё теперь твоё, — проговорил Караты-хан. — Бери, владей.

— Богатства мне не надо, — сказал учёный парень. — Пусть пастухи будут свободны. И каждому я дарю отару овец.

Оскюс-оол сел на коня и уехал.

Три дочери

татарская
сказка

На лесной поляне стояла избушка. И жила в той избушке добрая женщина с тремя дочерьми.

Красива была старшая дочь. Просыпалась она, и солнце просыпалось вслед за нею. «Красива, как утренняя заря», — говорили люди. «Зоренька моя», — говаривала мать.

Умывалась Зоренька утренней росой и сразу бралась за своё любимое дело. А больше всего на свете нравилось ей начищать до блеска медные тазы. Когда медный таз засияет, как зеркало, поставит его Зоренька на стол, сядет напротив и любуется своим отражением. Пока солнце не закатится, до той поры и красуется перед медным тазом.

— Зоренька, принеси воды, — попросит мать.

— Некогда мне, матушка.
— Зоренька, присмотри за гусями.
— Мне, матушка, на себя-то посмотреть некогда. Кликните своих любимиц, — только и ответит старшая дочь.

— Да что ты, Зоренька, — станет её успокаивать мать. — Да я ли тебя не люблю? Ведь ты у меня самая старшая, во всём первая.

И заплачет мать. Тут и Зоренька расплачется:

— Несчастливая я, разнесчастливая! Отдай меня, матушка, скорее замуж.

Красива была и средняя дочь. Когда она выходила на крылечко — облака на небе расступались, и месяц низко склонялся над ней, а звёзды водили хоровод. И называла средняя дочь их своими подружками. Ни с кем больше она и разговаривать не хотела.

«Красива и холодна, как вечерняя звезда», — говорили про неё люди.

— Звёздочка моя, — как-то сказала мать, — ночь на дворе, уже и спать пора.

— Не без дела я сижу, матушка, — отвечает дочь, — пряжу пряду.

И берётся за веретено. Всё кажется ей — тянется пража до самого ясного месяца.

Мать не знает, что и делать. Проснётся и слышит:

— Бедная я, горемычная! Никто меня не любит — ни матушка родная, ни сёстры.

— Что ты, Звёздочка моя, — скажет ей мать. — Ведь ты у меня средняя дочь — родная кровинка, всему сердцевина.

Уже под утро затихнет Звёздочка, а следующей ночью снова за своё:

— Бедная я, горемычная! Уж лучше мне замуж пойти на чужую сторону.

А младшая дочь и непоседливостью своей, и стройностью, и разлётом чёрных бровей была похожа на ласточку. Так её и называли Ласточкой. Везде и всюду успевала она. И матери поможет, и сёстрам косы

заплетёт, и на речку сбегает — принесёт песка и посыплет им тропинку от крыльца до самых ворот. А потом подойдёт к высокой ели, стукнет веточкой по стволу, — и покажется из дупла Белочка-соседушка, умница и говорунья.

Долго ли, коротко ли, вышли замуж старшие сёстры. Сбылась их мечта. Разъехались они в разные стороны.

Потом и Ласточкин черёд подошёл. Очень не хотелось ей с матерью расставаться. Пошла Ласточка к высокой ели. Стукнула веткой по стволу. Показалась Белочка.

— Белочка-соседушка, — говорит ей Ласточка, — улетаю я сегодня из родного гнезда далеко-далеко. Присмотри за матушкой. В чёрный день позови меня, позови сестриц.

Сказала Ласточка прощальное слово матушке и улетела.

А чёрный день не заставил себя долго ждать. Через три года сильно занемогла мать. Некому ей ни еды, ни воды подать.

Поскакала Белочка-соседушка с ёлки на сосенку, с берёзки на осинку. Постучалась в окошко к старшей дочери и говорит:

— Зоренька-Зоренька, твоя матушка захворала. Некому ей ни еды, ни воды подать.

— Некогда мне, — отвечает старшая дочь. — Я сегодня ещё медные тазы не вычистила, краем глаза на себя не взглянула. Завтра успеется.

Рассердилась Белочка-соседушка и говорит:

— Если так — оставайся со своим медным тазом!

Подняла старшая дочь медный таз, чтобы на себя взглянуть, и увидела, что превратилась в черепаху.

Поскакала Белочка-соседушка в другую сторону. С ёлки на сосенку, с берёзки на осинку. Постучалась в окошко к средней дочери:

— Звёздочка-Звёздочка, твоя матушка сильно захворала.

— Не видишь, — отвечает средняя дочь, — я лунную пряжу пряду, со звёздочками-подружками беседу веду. Не приставай ко мне до утра. А там ещё посмотрим — к спеху ли?

Рассердилась Белочка. Махнула своим пушистым хвостиком, повела ушками-кисточками. И в миг превратилась средняя дочь в полуночного паука.

Далеко жила Ласточка. Но быстра была Белочка. А берёзки да осинки сами ей ветви подставляют, на верный путь направляют. Смотрит Белочка в окошко и видит: Ласточка пирожки да булочки печёт. И работа у неё в руках спорится под песенку ни грустную, ни весёлую — под любимую матушкину песенку.

— Ласточка-Ласточка, твоя матушка захворала, — говорит ей Белочка.

Без лишних слов всё поняла Ласточка. Быстро долетела она до матушкиной избушки, пирожки да булочки не успели остыть. И Белочка-соседушка не отстала.

Накормила-напоила Ласточка свою матушку. Дни и ночи от постели не отходила. Стала матушка поправляться, стала Ласточку да Белочку-соседушку благодарить.

А старшие сёстры до сих пор идут.

Тайтериш

ногайская
сказка

Ж

или в давние времена старик со старухой — кочевали по степи в своей войлочной кибитке. Старик пас овец, старуха управлялась по хозяйству. Всё им приходилось делать самим — не было у них детей, не было помощников.

Разожжет старуха вечером костёр из кизяка¹, сядет у огня и плачет:

— Хоть бы одна-единственная дочка у меня была, одна-единственная помощница!

Пас как-то старик овец возле леса. Срубил он дубовый сук и вытесал из него топором куклу. Было у него снадобье из девяноста девяти трав, брызнул он кукле в лицо тремя каплями. Ожила кукла, потянулась, глаза раскрыла. Позвал старик старуху:

¹ Кизяк — сухие лепёшки навоза, употребляются как топливо.

— Хотела ты дочку, хотела помощницу. Вот тебе дочка, вот тебе помощница!

Посмотрела старуха на дубовую куклу и говорит:

— Разве такую дочку я хотела? Толстая, руки-ноги большие... Для тяжёлой работы только и годится. Пусть овец стережёт, войлок из шерсти валяет.

Кинула она дубовой кукле старый рваный чекмень, та надела его и пошла стричь овец.

Срубил тогда старик в лесу сосенку, вытесал из неё топором новую куклу. Оживил и привёл к старухе. Посмотрела старуха на сосновую куклу и говорит:

— Разве такую дочку я хотела? Прямая, как доска, волосы только на макушке. Пусть коров-овец доит, сыр делает.

Вытесал тогда старик куклу из ореховой ветки. Показалась она старухе кривобокой, — но и для неё нашла работу — кизяк в степи собирать, очаг разжигать, просынные лепёшки печь.

Вытесал старик куклу из ветки чинары. Эта показала старухе низкорослой. «Пусть варит хинкал — лапшу с бараньим салом».

Девять кукол вытесал старик из ветвей разных деревьев — ни одна не пришлась по душе старухе. Всех она заставила работать: кого — бельё стирать, кого — телят пасти, кого — мясо варить, кого — чай кипятить.

Десятую куклу вырезал старик ножом из ивовой веточки. Вышла кукла тоненькая, гибкая, руки-ноги маленькие, лицо нежное, волосы длинные, глаза, как терновые ягоды.

Увидала старуха, всплеснула руками:

— О, радость моя! Дитя моё, сладкое, как мёд! Свет очей моих, красавица! — вскричала она.

Прижала ивовую дочку к сердцу, назвала её Тай-териш, в жёлтое платье нарядила, красивый передник надела, перед сапырой² посадила, а остальным куклам велела:

¹ Чекмень — верхняя одежда.

² Сапыра — низкий столик на трёх ножках.

— Как зеницу ока берегите дочку мою Тайтериш! Ветерку не давайте на неё дунуть, дождю капнуть, солнечному лучу упасть, комару сесть.

Окружили Тайтериш деревянные сёстры — одна войлоком её укрывает, другая веткой обмахивает, третья сыром угощает, четвёртая просяные лепёшки подносит, пятая лапшу с салом подаёт, шестая бараниной потчует, седьмая калмыцкий чай с маслом наливает, восьмая мёд на стол ставит, девятая тыкву разрезает. Отведала Тайтериш все кушанья, взяли её сёстры под руки, отвели за полог и уложили спать. Наутро встали куклы пораньше, переделали всю домашнюю работу, приготовили кушанья повкуснее и разбудили Тайтериш к обеду.

Так и повелось — все сёстры работали, а Тайтериш нежилась в постели. Не встанет, пока её не оденут, за стол не сядет, пока не подведут, есть не станет, пока не поднесут. Но чем больше ухаживали куклы за своей ивовой сестрой, тем капризнее она становилась.

— Айхай! — ворчала она. — Разве таким жирным мясом красавицу кормят? Вы хотите, чтобы я стала толстой? — и бросала мясо собакам.

Поднесут ей сёстры суп.

— Айхай! — закричит она. — Вы хотите, чтобы мои руки и ноги выросли большими? — и выльет суп.

Принесут сёстры калмыцкий чай. Она сердится:

— Айхай! Вы хотите, чтобы кожа моя лоснилась от жира?

Надует губы и жалуется матери:

— Мама, они нарочно готовят такую еду, чтобы я не могла есть!

Старуха плакала и ругала деревянных кукол.

Обиделись сёстры на Тайтериш и нарочно сварили для неё к ужину самого жирного барана. Увидала Тайтериш варёную баранину, выскочила из-за стола, закричала:

— Уйду от вас! Не хочу с вами жить!

И выбежала из кибитки.

— Вернись, Тайтериш! — звали её сёстры. — Мы больше не будем! Приготовим для тебя всё, что захочешь!

— Не покидай меня, свет очей моих! — плакала старуха.

Но Тайтериш никого не слушала, бежала и бежала по ночной степи. Утром она увидела старика в пастушьей одежде — в чекмене, сыромятных чарыгах¹ и бараньей папахе.

— Куда идёшь, Тайтериш? — спросил её старый пастух.

Посмотрела на него Тайтериш и сказала:

— К тебе иду!

— Добро пожаловать! Дорогой гостьей будешь. Самую жирную корову зарежу и угощу тебя на славу!

— Айхай! — закричала Тайтериш. — Ты хочешь засалить мой красивый передник? Не пойду я к тебе в гости.

Гостеприимный старик обиделся, а она пошла дальше и вскоре увидела мальчика в пастушьей одежде.

— Куда идёшь, Тайтериш? — спросил её маленький пастух.

— К тебе иду!

— Добро пожаловать! Попрошу отца, он зарежет самого жирного телёнка, чтобы угостить тебя на славу!

— Айхай! — вскричала Тайтериш. — Ты хочешь засалить моё красивое платье? Нет, я пойду дальше.

Так шла она по горам и долам и вдруг увидела старый амбар, а вокруг него тощих голодных мышей.

— Куда идёшь, Тайтериш? — спросили её мыши.

— К вам иду!

— Очень рады! Есть у нас постное мясо воробья — угостим тебя!

День клонился к вечеру, и Тайтериш сильно про-

¹ Чарыги — обувь.

голодалась. Вспомнились ей кушанья, которые готовили сёстры, и у неё потекли слюнки. Тут мыши поставили на пол тарелку с воробьиным мясом. Как ни была Тайтериш голодна, она с трудом проглотила маленький кусочек синего мяса, похожего на тряпку, и поскорее легла спать. Платье и передник она сняла и положила рядом.

Наступило утро. Всё мышиное семейство давно было на ногах, а Тайтериш, как всегда, проснулась только к обеду. Хотела она одеться, но не нашла своей одежды.

— Где же моё красивое платье? Где мой красивый передник? — спросила она.

— Не было у нас никакой еды на завтрак, — ответили мыши. — Вот мы и съели твоё платье и твой передник. Очень вкусно было.

— А как же я? В чём же я буду ходить?

— Без платья можно ходить, — сказали мыши, — вот без еды ходить нельзя — очень скоро умрёшь.

Заплакала Тайтериш и без оглядки побежала домой. Она говорила себе, что будет теперь такой же, как её сёстры, — будет есть то, что они едят, будет вставать и работать вместе с ними и никогда не станет жаловаться на них старой маме. Плакала она и от стыда, что вернётся домой голой, без своего красивого платья.

А мыши бежали за ней и кричали:

— Тайтериш, когда тебе купят новое платье, приходи к нам в гости!

Скрипучая старуха

ульчская
сказка

Ж

или у реки старик со старухой. Были они бедными, сыновей у них не было, только дочери. Две дочери — Лага и Дыю.

Мужчин в доме нет. Кто в тайгу пойдёт зверя стрелять? Кто на Амур пойдёт рыбу ловить?

Сёстры сами научились охотиться. Старик хорошие луки сделал, острые стрелы сделал.

Сёстры научились рыбу ловить. Старик хорошие снасти сделал.

Но вот пришла пора — умерли старик со старухой. Сёстры остались вдвоём.

Старшая сестра Лага лучше стреляла, она в тайгу чаще ходила, мясо добывала, на пушного зверя петли ставила. Младшая сестра Дыю дома оставалась — еду варила, шкуры выделывала, дрова приносила.

Однажды сидит младшая сестра Дыю в избушке, одежду шьёт. Одна сидит. Старшая сестра Лага по лесу бродит, зверя ищет. Дыю работает, песню поёт.

Вдруг слышит: около избушки чьи-то шаги. Шаги и тихое поскрипывание: скрип-скрип, скрип-скрип. Испугалась девушка, выглянула из дверей.

Перед ней стояла странная старуха: тощая, как жердь, ноги — как палки, голова — птичья с огромным клювом, пальцы — как птичьи когти... И всё время скрипит: ногу двинет — скрипит, руку поднимет — скрипит, повернётся — скрипит.

Девушке стало ещё страшнее. А старуха спрашивает:

— Ты дома одна?

— Одна, — отвечает Дыю.

— Пусти меня отдохнуть. Издалека иду, устала.

— Входите, — говорит Дыю.

Старуха заскрипела и вошла в избушку. Уселась поудобней, скрюченные когтистые лапы к огню протянула. Согрелась и спрашивает:

— С кем живёшь, красавица?

— С сестрой, — отвечает Дыю.

— И больше никого у тебя нет?

— Никого.

— Где же твоя сестра?

— Ушла в тайгу капканы ставить.

Старуха заскрипела и подвинулась к девушке поближе. Подвинулась и говорит:

— Волосы у тебя длинные, красивые. Дай-ка я их расчесу да в косу заплету.

Хотела девушка отказаться, хотела от неё отодвинуться. А старуха уже расчёсывает ей волосы гребнем, уже заплетает косу своими крючковатыми пальцами...

Потом она незаметно вытащила иглу и тихонько уколола девушку в шею. Дыю закрыла глаза, заснула. Старуха вытащила нож, отрезала у девушки косу, спрятала в котомку и ушла в тайгу.

К вечеру вернулась с охоты старшая сестра Лага.

«Что-то случилось, — думает она, — дым из дымника не идёт, очаг не горит. Как там моя сестра? Жива ли?»

Подбежала она к избушке, видит: чужие следы.

Вбежала она в дом. Сестра её лежит, глаза закрыты.

— Что с тобою, Дюю? — кричит Лага. — Жива ли ты?

Младшая сестра лежит — не шевелится, не отвечает.

Видит Лага: коса у сестры отрезана. И не понять, умерла Дюю или крепко спит. Заплакала Лага. «Кто тебя погубил? Убийцу не прощу, по следам найду!»

Взяла она лук со стрелами, короткое копье, встала на лыжи и побежала по следам. Следы привели её в глухой лес, к маленькой избушке.

Лага постучалась. Вышла бледная девушка.

— Пусти переночевать, — просит Лага.

— Нельзя тут ночевать, — отвечает девушка тихим

голосом. — Это дом злой старухи. Я ей служу, потому и жива. Уходи скорей, старуха с птичьей головой не любит молодых девушек. Она отрезает у них косы — отнимает силу. Этой силой сама живёт, свою жизнь продлевает... Скорей уходи, пока старуха не вернулась!

— Никого не боюсь, — говорит Лага. — Теперь знаю, кто отрезал косу у моей сестры. Как сестру оживить? Как со старухой справиться?

Девушка-служанка говорит:

— Злость старухи — в резном костяном ларчике. Если его в порошок растереть — злость пропадёт. Только ларчик старуха всегда при себе носит. А когда спит — под голову прячет. Чутко спит — одним глазом спит, другим сторожит.

Лага подумала и говорит:

— Я принесу из тайги сон-травы.

Пошла она в тайгу, нашла под снегом сон-траву, принесла в избушку.

Девушка-служанка спрятала траву в постель старухи, под изголовье. Вскоре послышалось: скрип-скрип, скрип-скрип. Старуха вернулась. Вошла в дом и говорит:

— Чужим духом пахнет. Кто тут был?

Девушка-служанка отвечает:

— Это пахнет новая коса, что ты вчера принесла.

Старуха говорит:

— И то правда. Кому тут быть?.. Хороша коса! Девушка совсем молодая. Много лет могла бы жить! Теперь я эти годы проживу. А та заснула и больше не проснётся. Чтобы её разбудить, надо косу назад приложить. А кто за неё заступится? Кто косу отнимет? Нет у них в доме мужчины... Ну, мне спать пора.

Старуха легла и заснула, крепко заснула, оба глаза закрыла.

Девушки тихонько вытащили ларчик у неё из-под головы. Взяли крепкую ступку, тяжёлый пестик и вышли из избушки. Подальше отошли и начали в ступке

ларчик толочь. Долго толкли, мелко истолкли. А в порошок всё же не растёрли.

Тогда они разбросали мелкие кусочки на все четыре стороны. Превратились те кусочки в оводов, в комаров, в мошкар.

Девушки вернулись в избушку, взяли отрезанную косу. Скрипучая старуха спала, не проснулась.

Девушки пришли на берег реки, вошли в избушку сестёр. Там неподвижно лежала Дыю. Они приложили косу, и Дыю ожила, проснулась.

Стали девушки жить втроём. Рыбу в реке ловили, зверя в тайге стреляли. Хорошо жили. О скрипучей старухе больше не слышали.

Белая лебедь

мари́йская
сказка

Ж

ил в одном селе богатый старик с женой и сыном. Вот раз и говорит старик сыну:

— Всё у нас есть: и земля, и скотина, и дом большой. Нет только для нас, стариков, невестки, а для тебя жены. Надо тебя, сын, женить.

Стали они ездить по сёлам невест смотреть. Только никак подходящую не найдут. То отец ворчит: «Приданого нет».

То матери не по нраву: «Руки белые, работать не будет».

То сын нос воротит: «Некрасива».

Так сына и не женили.

Весной посеял старик на дальнем поле овёс. Уродился овёс на славу. Стали летать на овсяное поле лебеди кормиться.

Говорит отец сыну:

— Ты бы на том поле сеть расставил, а то лебеди весь овёс поклюют.

Расставил сын сеть на овсяном поле, а сам в кустах притаился.

Прилетели на поле белые лебеди. И заметили в кустах хозяйского сына. Крыльями захлопали, закричали:

Летим скорее, сестрицы,
В кустах человек таится!

Поднялись они над полем, только одна лебедь не послушалась сестёр, кричит:

Лечу, сестрицы, лечу,
Лишь зёрнышко ухвачу!

Ступила лебедь шажок и запуталась своей красной лапкой в сети.

Вышел тогда из кустов хозяйский сын. Хотел белую лебедь схватить, а она вдруг превратилась в девицу-красавицу с жемчужным ожерельем на шее.

Обрадовался хозяйский сын, завернул её в сеть и понёс домой. Он назвал красавицу Йукталче и позвал отца с матерью:

— Ну как, — спрашивает, — годится мне в жёны Йукталче?

Увидел отец — у девицы на шее жемчужное ожерелье — и говорит:

— Годится. Хорошее приданое!

Посмотрела мать на красные руки Йукталче и говорит:

— Годится. К работе приучена!

А сын смотрит на Йукталче и глаз оторвать не может — такой красоты он ещё не видывал.

Взял хозяйский сын Йукталче в жёны. Стали они жить в доме вчетвером.

Чуть свет проснётся старик, кричит:

— Эй, Йукталче! Пора вставать, скотину кормить,

дрова колоть, воду носить! А я полежу...

Тут старуха голос подаёт:

— Пора вставать, Йукталче, печь топить, хлебы печь, обед варить! А я полежу...

А муж зовёт:

— Иди ко мне, Йукталче! Будешь песни петь да плясать. А я полежу, полюбуюсь на тебя, погляжу!

Мечется Йукталче между ними, каждому угрождает.

А весна пришла — велел ей старик землю пахать, хлеб сеять, траву косить; велела старуха огород копать, репу сажать, скотину пасти; велел ей муж рубашку ему цветной ниткой расшить. День-деньской в работе Йукталче, к ночи от усталости с ног валится.

Вот раз послали Йукталче к дальнему озеру за водой — там вода на вкус хороша. Пришла Йукталче к озеру, села на берегу, призадумалась.

Вдруг видит — в небе лебеди летят, слышит, сёстры её кричат:

Сестрица, сестрица,
Пора домой воротиться,
Отец ждёт — ночи не спит,
Мать ждёт — ночи не спит,
А младшая дочь не летит, не летит.

Закричала в ответ Йукталче:

Сёстры мои любые,
Белые лебёдушки,
Простите меня, глупую,
Сбросьте по пёрышку.

Сбросили ей лебеди по одному пёрышку. Спрятала Йукталче перья под мостки, набрала воды и пошла домой.

А там отец кричит, мать кричит, муж кричит:

— Что так долго пропадала?

— Текла сорная вода, ждала, пока чистая потечёт! — ответила Йукталче.

День прошёл, снова послали Йукталче на озеро за водой. Пришла она к озеру, видит — летят в небе лебеди, кричат:

Сестрица, сестрица,
Пора домой воротиться!
Отец ждёт, ночи не спит,
Мать ждёт, ночи не спит,
А младшая дочь не летит, не летит.

Отвечает им Йукталче:

Сёстры мои родные,
Белые лебёдушки!
Пожалейте меня, бедную,
Сбросьте по пёрышку!

Бросили ей лебеди по одному перу, спрятала Йукталче перья под мостки, набрала воды и пошла домой.

А там отец кричит, мать кричит, муж кричит:

— Где так долго пропадала?

— Текла мутная вода, я ждала, пока чистая потечёт! — ответила Йукталче.

Ещё день прошёл. Снова послали Йукталче на озеро, за водой. Пришла она к озеру, видит — летят лебеди, кричат:

Сестрица, сестрица!
Пора домой воротиться!
Отец ночи не спит,
Мать ночи не спит,
А младшая дочь не летит, не летит.

Отвечает им Йукталче:

Сёстры мои старшие,
Белые лебёдушки,
Выручайте младшую,
Сбросьте по пёрышку!

Бросили ей лебеди по одному перу. Сняла женское платье Йукталче, на пень накинута, нанизала на

себя лебединые перья и снова превратилась в Белую Лебедь.

Взмахнула Белая Лебедь крыльями и полетела догонять сестёр.

Ждут дома Йукталче, а её всё нет. Говорит мать сыну:

— Мало учил жену.

Говорит отец:

— Возьми серебряную плётку, пойди, поучи.

Взял сын плётку и пошёл к озеру. Глянул издали — будто Йукталче на берегу стоит, бросился к ней, закричал:

— Ты, что, жена, как пень стоишь?!

Размахнулся и ударил её плёткой. Свалилось платье на землю, и увидел он — вместо Йукталче и впрямь пень стоит.

А высоко, высоко в небе лебеди летят, звонкими голосами кричат:

Прощай, прощай,
Человек!
Лебедь Белую не догнать,
Не догнать.
Не умел жалеть,
Не умел беречь,
Будешь весь свой век
Горевать,
Горевать.

Посмотрел им вслед хозяйский сын, горько заплакал и пошёл домой.

Тала-медведь и ВЕЛИКИЙ КОЛДУН

саамская
сказка

Повадился Тала-Медведь вокруг стойбища ночью шататься. Ходит-бродит тихо-тихо, голоса не подаёт, за камнями таится — выжидает: авось глупый оленёнок от стада отобьётся или щенок за стойбище выскочит, а то и ребёнок выйдет.

Однако как ни таись, а следы на снегу остаются — куда их денешь?

Увидали матери те следы, говорят малым детям:

— Не смейте допоздна при луне с горки кататься. Тала-Медведь близко. Схватит, в свою тупу¹ унесёт.

Так разве неслухи материнское слово слушают? В одно ухо вошло, в другое вышло.

Поздно. Луна взошла, а они всё с горки на санках катаются.

¹ Тупа — старинное зимнее жилище саамов.

Вылез из-за камня Тала-Медведь, раскрыл свою кису — кожаную суму, примостил её под горкой, а сам в тени залёг.

Покатались ребята с горки да со всего размаху в медвежью суму влетели! Выскочил Тала, захлопнул суму, взвалил на плечи и пошёл домой.

Идёт, пыхтит, радуется:

— Ух, ух, вкусный дух! Полну кису ребят несу!

Шёл, шёл, притомился, повесил суму на еловый су-чок, сам под ёлкой лёг и захрапел.

Висят ребятишки в суме, меж собой шепчутся:

— Что делать будем? Тала нас съест!

Один, самый маленький, спрашивает:

— Есть ли у кого нитки, иголки?

— Есть, есть, у девчонок есть! — отвечают ему.

Достал мальчик складной нож из яры¹, распорол суму, ребятишек на волю выпустил, приказывает:

— Живо камни таскайте, в суму кидайте!

Натаскали ребята камней, в суму накидали, и мальчик туда же залез. Велит:

— Теперь зашивайте и домой бегите!

Зашили ребята суму и домой побежали.

Проснулся Тала-Медведь, потянулся, спрашивает:

— Все ли вы там в моей кисе живы?

— Все, все живы, — отвечает мальчик.

Взвалил Тала кису на плечи — да так и сел!

— Охо-охо! Тяжелёхонько! Зато хватит вкусного мяса на обед и на ужин!

Едва-едва дотащил Тала кису до дому. Залез на земляную крышу, кричит в дымовую дыру своей хозяйке Медведице:

— Эй, Талахке, готовь большой котёл, я много-много вкусного мяса принёс!

Повесила Талахке над очагом большой котёл, воды налила, огонь развела.

— Готово, — кричит, — спускай мясо!

¹ Яры — меховые сапоги.

Тряхнул Тала кису, камни посыпались, котёл разбили, вода пролилась, огонь погасила. Дым столбом стоит.

Взревела медведица, а Тала наверху не слышит. Ещё раз кису тряхнул, выскочил из неё мальчик, сел в сторонке, в руке ножик зажал, ждёт, что дальше будет.

Вошёл Тала в дом, на хозяйку рычит: почему котёл разбит, почему очаг погас, почему мясо не варится?

А Талахке ему в ответ ревет:

— А ты зачем вместо мяса камни кидаешь?

Смотрит Тала — правда, камни лежат.

Почесал за ухом, говорит:

— Однако вон сидит один вкусный парнишка. Давай хоть его сварим.

А мальчик как чиркнёт ножом о камень, так что искры посыпались, как закричит:

— Стой на месте, Тала-Медведь! Мой отец колдун, моя мать колдунья, мой дедка колдун, моя бабка колдунья, мой дядька колдун, моя тётка колдунья, а я изо всех самый великий колдун! Это я из ребят камни сделал!

— Ух ты! — удивился Тала. — То-то я ребят словил, а камни принёс. Не стану я варить тебя, великий колдун! Только ты за это из камней снова мясо сделай! Я голодный, моя жена Талахке голодная, мой сынок Талашка спит в люльке голодный.

— Что ж, — говорит мальчик, — это можно! Тащи большой медный котёл, тащи хворост, огонь разжигай...

Побежал Тала за медным котлом, побежала Талахке за хворостом. А мальчик камни из тупы выкинул, один только себе оставил, выхватил из очага головешку, в тряпку завернул да поверх Талашки в люльку положил.

Сидит, люльку качает.

Прибежал Тала, принёс котёл, прибежала Талахке, принесла хворост.

— Давай скорей ребят, будем обед варить!

Отвечает им мальчик:

— Тут ваш сын Талашка заплакал. Пока с ним во-
зился, все ребята разбежались. Зато теперь крепко
спит Талашка, — и показывает головешку в люльке.

Заревела Талахке-Медведица, заревел Тала-Мед-
ведь:

— Ой, беда! Загубил ты нашего сына Талашку,
сделал из него головешку!

Чиркнул мальчик ножом по камню, так что искры
посыпались, и закричал громким голосом:

— Мой отец колдун, моя мать колдунья, мой дедка
колдун, моя бабка колдунья, я сам великий колдун!
Могу из головешки снова Талашку сделать! Только
отнесёшь меня за это, Тала, домой!

— Отнесу, отнесу, сейчас отнесу!

Сунул мальчик головешку под печок¹, ткнул кула-
ком в бок Талашку, тот проснулся и заорал во всё
горло.

Радуетса Талахке, радуется Тала, всего Талашку
облизали. А мальчик вскочил на плечи медведю, сел
верхом, приказывает:

— А ну, живо неси домой!

Понёс Тала, что поделаешь? Донёс до озера, где
саамы рыбу ловят, говорит:

— Беги теперь сам. Боюсь дальше идти!

А мальчик чирк ножичком:

— Мой отец колдун, моя мать колдунья, я сам ве-
ликий колдун! Это озеро я сделал! Хочешь, из тебя
такое же сделаю?

— Не хочу, не хочу! — затряс головой Тала и так
припустился, что быстрее ветра добежал до стой-
бища.

Тут выскочили саамы, схватили Талу, связали:

— А, попался, трусливый Тала! Зачем наших де-
тей таскаешь?

¹ Печок — меховая рубаха до колен.

Тонким голосом взмолился Тала:

— Развяжите меня, отпустите меня! Я скажу вам, что делать, чтобы медведи ваших детей не таскали.

Развязали саамы Талу, ждут, что скажет.

Тала говорит:

— Надо быть храбрым. Надо прямо глядеть в глаза медведю. И тогда медведь не тронет.

Сказал так и убежал домой без оглядки.

С тех пор саамы с малых лет не боятся медведей.

Встретят Талу в лесу — прямо в глаза ему глядят, и не трогает Тала, уходит.

Берёзовый сок

карельская
сказка

Ж

или в лесу Белка, Иголка и Рукавица. Белка всегда там жила, испокон веку.

Рукавицу как-то зимой на пеньке лесоруб забыл — вот она и стала лесным жителем.

А Иголка была не простая, а ежиная.

Старый ёж осенью об еловый пенёк тёрся. Одна иголка за кору уцепилась, спряталась. Ёж ушёл, а она осталась.

Ёж ее не стал искать — у него иголок много.

Долго ли, коротко ли — повстречались Белка с Иголкой и Рукавицей.

Кое-как перезимовали, а тут и весна пришла.

— Хочется мне берёзового сока, — сказала Белка. — Вот только как добыть его, не знаю. А как было бы хорошо: нас трое, и вот три берёзки стоят.

Соку на всех хватит.

Иголка говорит:

— Давайте вместе за дело возьмёмся. Ты, сестрица Рукавица, берёсту сдирай, я буду из той берёсты туески сшивать, а Белка кору на берёзе нагрызёт — сок в туесок и потечёт.

Так и сделали. Один туесок — для Белки, другой — для Рукавицы, третий — для Иголки.

На каждой берёзке по туеску повесили.

Кап-кап-кап — это сок в туески течёт.

Напились друзья вкусного сока, легли спать.

— Сторожить надо, — сказала Иголка, — вдруг ночью кто-нибудь придёт, туески унесёт.

— Пусть каждый свою берёзку и стережёт! — крикнула Белка сверху.

Иголка удивилась:

— Ты не будешь спать, и я не буду спать, Рукавица-сестрица глаз не сомкнёт всю ночь. Давайте лучше по очереди: двое спят — третий караулом ходит.

Но Рукавица и Белка только посмеялись над Иголкой.

— Каждый пусть за своим деревом смотрит! — сказала Белка.

— Мала ты нам советы давать! — проговорила Рукавица.

Так и сидели всю ночь. Да под утро не утерпели — заснули.

Утром Рукавица проснулась, заплакала:

— Украли, украли! Всё разорили!

Проснулись Белка с Иголкой, прибежали. Видят: сок, что за ночь скопился, кто-то выпил, а туесок берестяной на землю бросил, порвал. Смастерили для Рукавицы новый туесок.

— По очереди караулить надо, — снова сказала Иголка. — А так нас всех по одному и ограбят.

— Нет, теперь я уж не засну, — отвечает Рукавица. — Поймаю вора ночного.

— А у меня туесок высоко прилажен, — говорит Белка. — До него никто не дотянется!

— Ладно, пенять на себя будете, — сказала Иголка. На следующую ночь под утро опять всех сторожей сон сморил.

Вор тут как тут: все три туеска опрокинул, изорвал, весь сок выпил.

Волей-неволей пришлось Белке и Рукавице поступить, как Иголка присоветовала. Стали по очереди сторожить: первой выпало караулить Белке, потом — Рукавице, а последней, под утро, — Иголке.

А сок берёзовый Лисица воровала. Она ждала, пока Белка, Иголка и Рукавица заснут, и лакочилась, сколько её душе угодно было.

А в этот раз пришла, смотрит — Белка спит, Рукавица спит.

На Иголку рыжая никогда внимания не обращала — мала уж очень, травинке по пояс едва достаёт.

Лисица решила начать с той берёзки, на которой Белкин туесок был приторочен.

Прыгает, лапой тянется, вот-вот собьёт туесок.

Иголка поближе подобралась, кричит:

— Ой, проснитесь, Рукавица вместе с Белочкой-сестрицей! Я сторожем стояла, я воровку поймала!

Голосок у Иголки тоненький, едва слышно.

Не просыпаются Белка с Рукавицей.

Тогда Иголка изловчилась и, как только Лисица снова прыгнула, она точно под её лапу заднюю встала. Лисица на землю упала, Иголка в лапу и воткнулась.

— Ой-ой-ой! — завизжала Лисица.

Не только Белка с Рукавицей, а даже все лесные жители вокруг проснулись.

Лисица на трёх лапах скачет, вокруг себя кружится, Иголку вытащить не может.

Белка на землю соскочила, принялась Лисице в глаза прель да сухие листья бросать. Такую пыль подняла — ничего не видно.

Рукавица Лисицу по бокам, по носу хлещет-шлёпает, приговаривает:

— Не ходи за чужим добром, а приди попроси добром!

Едва-едва рыжая дохромала до своей норы. Весь день чихала да лапу лизала. Только к вечеру и прочихалась, лиходейка.

— Когда мы вместе взялись — и Лисы не испугались! — сказала Иголка.

Так они втроём долго ещё потом жили, друг друга в беде не оставляли.

Наверное, и до сих пор живут где-нибудь.

Лев и комар

адыгейская
сказка

Б

ЫЛО это или не было — кто знает? Говорят, было. Проснулся однажды среди ночи владыка лев и давай рычать на весь лес. Всех разбудил, перепугал. Проснулись звери в берлогах, проснулись птицы на ветках, проснулись козявки на земле.

Проснулся и комар, который спал на травинке. Он рассердился и подумал: «Что за невежа рычит среди ночи? Попадись он мне — я бы его проучил!»

У комара был острый хоботок.

— Это мой кинжал! — говорил комар и очень им гордился.

«Сейчас наточу свой кинжал, — сказал сам себе комар, — и полечу — сражусь со львом!»

Только он начал точить кинжал, как появился лев.

— Эй, невежа! — закричал комар. — Ты что среди ночи ревёшь, спать не даёшь?

Лев удивился, остановился, но никого не увидел. «Что такое? — подумал он. — На меня кто-то кричит, а его и не видно».

— Кто на меня кричит? — спросил лев.

— Я кричу, комар.

— Как ты смеешь? Ведь я сильнее всех на свете! Мне только лапой шевельнуть, и от тебя ничего не останется! — сказал лев.

Комар ещё больше рассердился и говорит:

— С чего ты взял, что ты сильнее всех на свете? Ну и насмешил!

От этих слов льва бросило в жар.

— Берегись! — рявкнул он и кинулся на комара. — Сейчас тебя прихлопну!

Но комар взлетел, покружился, а потом залетел льву в ноздрю и вонзил там свой острый кинжал. Лев

замотал головой, но комар крепко держался в ноздре. Лев размахивал лапами, кувыркался через голову, рычал на весь лес, но ничего не мог сделать. А комар всё жалил его и жалил.

— Ох, пощади, сдаюсь! — прохрипел лев и поклонился до земли.

— Вот то-то! — сказал комар и вылетел из ноздри. — Теперь ты понял, что есть кое-кто и посильнее тебя! Ну ладно, иди спать и больше не рычи по ночам.

Лев ушёл. А комар поднялся над лесом и давай трубить о своей победе. Он пел:

— Я победил могучего льва! Он попросил у меня пощады! Я сильнее всех на свете!

Летал он и пел, пел и летал, и голова у него совсем закружилась. Комар и не заметил, как попал в паутину.

Не стало хвастливого комара.

УПРЯМЫЙ КУЛИЧОК

ненецкая
сказка

Поставили свой чум возле самой воды птички кулики и живут: отец, мать да их сынок-куличок.

Летом в тундре так-то хорошо, так-то славно! Мать с отцом не нарадуются: быстро растёт их сынок-куличок.

И то сказать — всем пригож куличок. Одно только — упрям очень.

Вот как-то раз летал сынок-куличок по тундре. Взлетел на вершину тонкой берёзки, по сторонам поглядывает. Посмотрел вниз, а там девушка-мышка у своего земляного чума разгуливает. Одежка у неё красивым узором вышита, в косах у неё медные украшения позвякивают, голову назад оттягивают. Загляделся куличок на мышку, глаз отвести не может.

А когда вернулся домой сынок-куличок, вошёл в свой чум, сел, крылышки сложил, голову опустил — горюет.

Спрашивает его мать:

— Что с тобой? Уж не заболел ли?

Отвечает сынок-куличок:

— Видел я девушку-мышку. Хочу на ней жениться.

Удивилась мать, встревожилась:

— Что такое ты говоришь? Ведь мы, кулики, на зиму в тёплые края улетаем. А мыши здесь остаются. В земляном чуме всю зиму живут, света не видят.

— И я на зиму в тундре останусь, — заупрямился сынок-куличок.

— Что ты, что ты, — испугалась мать, — зимой в тундре лютые морозы трещат! Выйдешь из чума, у тебя хвост к сугробу и примёрзнет. Нет, нельзя куликам в тундре зимовать.

Но упрямый куличок и слушать ничего не желает, своё твердит:

— Останусь, останусь!

Вечером вернулся с охоты отец. Мать всё ему рассказала.

Думали-думали отец и мать, как образумить сына, отговаривали-отговаривали, да разве переговоришь упряма?

Видят — придётся им своего сына на мышке женить.

— Ладно, — вздохнула мать, — пойду сватать.

И отправилась к земляному чуму у тонкой берёзки, где мыши жили. Старуха-мышка увидела неожиданную гостью, удивилась и спрашивает:

— Что-нибудь у тебя случилось?

А мать куличка так сказала:

— У тебя дочка — красавица. А у меня сынок. Вот я и пришла.

— Дочка-то у меня есть, — отвечает старуха-мышка. — Но ведь лето скоро пройдёт и вы, кулики, в тёплые страны отправитесь. А дочка моя летать не умеет,

по земле ходит. Как же доберётся она с твоим сыном за широкие моря, в дальние тёплые страны?

Мать куличка спросила:

— А если сынок мой останется у вас на зиму?

— Ну что ж, — говорит старуха-мышка, — если так, то я выдам дочь за твоего сына.

Полетела мать куличка к своему чуму. Отец-кулик спрашивает:

— О чём говорили? Что решили?

А она отвечает:

— Согласилась старуха-мышка отдать свою дочь за нашего сына, если мы оставим его здесь на зиму.

Понурился от этих слов отец-кулик, да делать нечего.

— Что ж, — говорит, — пусть так и будет.

Прошёл день-другой и ещё немного — большую свадьбу устроили.

Гостей со всей тундры называли! Всякие-всякие зверушки прибежали. Разные-разные птицы прилетели. Весёлая свадьба получилась.

Только отец и мать куличка сидели печальные. Потому что небо уже осенним стало, пора в путь собираться, с любимым сыночком прощаться.

Как тут не загрустить?

Отец сказал куличку:

— Милый сынок мой, останешься ты здесь на зиму, себя береги, из чума не выходи. А весной, чуть только появятся проталины, жди нас.

И поднялись ввысь отец и мать куличка. Вместе с другими птицами улетели.

А сынок-куличок в земляном чуме у мышей поселился.

Зима в тундре долгая. Солнце на небе и не показывается. Ледяной ветер воет, злая пурга метёт.

Живёт куличок в мышином чуме месяц. Живёт другой. Темно. Дымно. Ни вздохнуть, ни взлететь.

Он и говорит мышке:

— Открой дверь, дым выпусти. Да и я на белый свет хочу посмотреть.

Она отвечает:

— Там холодно. И солнца нет. Потерпи немного. Куличок снова:

— Открой. Пройдусь я. Полетаю.

Мышка уговаривает:

— Потерпи. Не ходи. Отец и мать, когда улетали, просили тебя из чума не выходить, а то хвост к снегу примёрзнет.

Но куличку говори не говори, всё без толку. Залядил одно — открой да открой.

Открыла мышка дверь. Вылез куличок наружу — хвост у него к снегу и примёрз!

Тут как раз мимо лисица бежала — цап куличка! — и нет куличка. Одно пёрышко от хвоста осталось.

Долго ли, коротко, а кончилась, наконец, зима. Посветлело. Потеплело. Появились первые проталины.

Вышли из чума мыши на солнышке погреться, глянули на небо, а с южной стороны что-то тёмное по небу летит, солнечный свет застилает. «Уж не туча ли грозовая?» — думают.

Да нет, то не туча грозовая надвигается, то птицы из чужих тёплых краёв летят, на свою родную сторонушку спешат. От их звонких голосов тундра просыпается, весне радуется.

Вдруг две птички на землю опустились, по кочкам к мышиному чуму бегут, торопятся.

Подбежали и спрашивают:

— Что же сынок-куличок не вышел нас встретить? Куда он девался?

А мыши отвечают:

— Не послушал он нас, вышел из чума — хвост у него к снегу примёрз. Только одно пёрышко от него и осталось.

С тех пор птицы с мышами перестали дружбу водить.

ЧИРКИ И ЛИС

ЭСКИМОССКАЯ
СКАЗКА

Однажды лис шёл по берегу моря и пел: «Нет зверя умнее меня, нет зверя хитрее меня!»

По морю плавали уточки-чирки. Услышали они песню лиса и решили проучить его. Старший чирок и говорит:

— Давайте, братцы, лодку из крыльев сделаем. Сядем в два ряда крыльями внутрь. Пусть лис думает, что это лодка плывёт.

Так и сделали. Сели в два ряда, распустили крылышки. В середине лодочка получилась, а по бокам вёсла-крылышки. Плывут чирки, а старший громко кричит:

— Раз-два, раз-два! Гребите посильнее!

У лиса глаза от старости слабы стали. Смотрит он на море и видит: лодка плывёт, а на лодке гребцы

сидят и дружно вёслами помахивают. Остановился лис и кричит:

— Эй-гей, гребцы, причаливайте к берегу да подвезите меня немножко! Разве вы не видите, кто по берегу идёт? Ведь это я — хозяин здешних мест! Разве вы не видите, что я устал?

Подплыли чирки к берегу. Лис влез прямо на середину лодочки. Сел, грудь гордо выгнул, хвост распустил и глаза от удовольствия зажмурил. Лодка быстро отплыла от берега. Вдруг лис слышит голос старшего чирка:

— Ну, братцы, поплавали, а теперь полетим!

Не успел лис опомниться, как очутился в воде. Смотрит — а чирки уж далеко. Поплыл лис к берегу. Плывёт и думает: «Обманули меня чирки, опозорили на весь свет».

Тяжело лису плыть: намокший хвост ко дну тянет. Говорит лис:

— Хвост мой, краса моя, не подведи, помоги доплыть!

Стал хвост к берегу править.

Еле-еле добрался лис до берега; вылез на холмик и стал сушиться на солнышке. А чирки тем временем облетели всю тундру и всем рассказали, как лис в море купался.

Поглядел лис по сторонам, — а кругом собрались разные звери, большие и маленькие, смотрят на него и смеются.

— Не расскажешь ли нам, уважаемый лис, как чирки искупали тебя в студёном море?

Встряхнулся тут лис, схватил мокрый хвост в зубы, чтобы полегче было бежать, и бросился со стыда в тундру. С тех пор перестал лис на морской берег ходить.

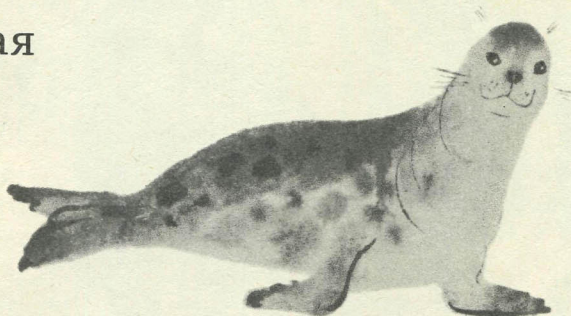

Хитрая лиса

корякская
сказка

Сидит однажды лиса на берегу и думает: «Как бы мне свежей рыбки поесть?»

Смотрит лиса — а по речке бревно плывёт, на бревне две чайки сидят.

Спрашивает лиса:

- Что вы, чайки, делаете?
- Рыбу ловим.
- Возьмите и меня с собой!
- Прыгай!

Прыгнула лиса. Бревно перевернулось, чайки улетели, а лиса в воду упала.

Понесло лису вниз по речке и вынесло в море. Видит лиса — кругом вода. Говорит:

— Ну-ка, лапы, будьте мне вёслами! Ну-ка, хвост, будь рулём!

Вот плывёт лиса, будто в лодке. Лапы, как вёсла, воду загребают, хвост, как руль, поворачивается — туда-сюда, туда-сюда.

Только забыла лиса хвосту сказать, чтобы он к берегу правил. Правит хвост в открытое море.

Плыла лиса, плыла, а берега всё нет. На самую середину моря заплыла. И не знает лиса, куда ей теперь плыть.

Тут встретила она тюленя.

Говорит ей тюлень:

— Куда ты, лиса, заплыла? Заблудилась, верно, у нас в море? Не доплыть теперь тебе до берега.

— Знаю я, куда плыву, — отвечает лиса, — хочу посмотреть, есть ли ещё звери в морских водах. Слыхала я, будто вас уж совсем мало осталось.

— Нет, — отвечает тюлень, — много ещё зверя в морских водах — и нас, тюленей, и моржей, и китов.

— Будто уж? — говорит лиса. — Пока сама не увижу, ни за что не поверю. Подымайтесь-ка вы, все звери, из морской глубины и ложитесь в ряд до самого берега, а я считать буду!

Тут поднялись наверх все тюлени, моржи, киты и легли на воду в ряд до самого берега.

А лиса по их спинам, как по мосту, побежала. Бежит и считает:

— Один тюлень, два тюленя, три тюленя... Один морж, два моржа, три моржа... Один кит, два кита, три кита...

Так и добежала лиса до берега. Выскочила на берег и кричит тюленю:

— Правду ты сказал, тюлень: много ещё вас, глупых зверей, в морских водах. Через всё море мост из вас построить можно! Ну, теперь плывите, куда хотите, а я отдыхать буду!

Настоящий охотник

орочская
сказка

Ж

ил на побережье охотник с женой. Был у них только один сын. Мать его очень любила, на-смотреться на него не могла, всё время при себе держала.

Отец говорит:

— Сын у нас большой, ему уже десять лет, пора в море ходить, копьё бросать, нерпу добывать.

Мать говорит:

— Ещё не пора, ещё слабый наш сынок. Где ему нерпу добывать?

Отец говорит:

— Сегодня в море пойду и сына с собой возьму.

Мать просит:

— Сегодня не бери. Сегодня ветер с моря такой свежий!

Так время шло. Так жили.

Сын взрослым стал. А всё возле матери: то дрова с ней носит, то крабов после отлива собирает. На охоту не ходит, терпенья у него нет. А какой охотник без терпенья?

Всё-таки стал его отец к охоте приучать. Парень сильный, быстроногий, остроглазый. Должен стать хорошим охотником.

Однажды утром отец говорит:

— Сегодня в море пойдём, за нерпой пойдём.

Снарядили они лёгкие лодочки-оморочки, вышли в море. Ветра нет, море тихое. Смотрят охотники туда-сюда: нерп не видно.

Притихли они, ждут. Нерп не видно.

Сын не вытерпел, говорит:

— Сколько можно ждать? Я хочу домой.

Отец говорит:

— Подождём. Нам добыча нужна.

Опять притихли. Ждут. И вот видят: вынырнули три нерпы. Отец к ним оморочку свою направил.

— Давай за мной! — говорит сыну.

Сын поморщился и отвечает:

— Разве это добыча? Мелкие нерпы! А вон там у мыса появилась большая нерпа. Её возьму!

И направил свою лодочку к мысу.

Отец кричит:

— Куда ты? Это не нерпа! Это дельфин-косатка, зубастый хозяин моря! Разве не видишь?

Сын отвечает:

— Вижу, что это большая нерпа! Моя добыча будет лучше твоей!

Отец спорить не стал, к своим нерпам устремился. Пока подплыл, две ушли в воду, но одну он сумел добыть. И то хорошо!

«Теперь сыну надо помочь», — думает охотник. Обогнул он мыс — нет никого. Пусто в море. Ни сына, ни лодки.

«Что случилось? Не мог сын утонуть, море тихое.

Если бы утонул — перевёрнутая лодка бы плавала. А лодки нет. Может быть, к берегу пристал и домой убежал?»

Пришёл отец домой. И дома нет сына. Жена плачет, жена говорит:

— Где ж ты сына потерял, моего единственного сына? Как ты мог домой вернуться, а сына в море бросить?

Охотник говорит:

— Не плачь. Подождём. Вернётся наш сын.

Но сын не вернулся.

Стал отец ходить на берег моря, сына высматривать. Сидит на камне, плачет. Вдруг голос услышал:

— О чём плачешь?

Поднял охотник голову и увидел на скале, что торчала из воды, странного старика: халат на нём из рыбьей кожи, борода зелёная и опускается в воду.

— О сыне плачу. Сын пропал. Молодой, сильный, красивый, настоящий охотник!

— Настоящий охотник? — переспросил зеленобородый старик и расхохотался.

Охотник рассердился. Кто это смеётся над его бедным сыном? Хотел закричать на старика, да сообразил, что ведь старик этот — хозяин моря!

А старик смеётся и говорит:

— Никто ещё меня так не смешил. За это отдам тебе сына. Приходи завтра на это место.

Назавтра охотник с женой пришли на берег. И вдруг волна вынесла люльку, а в ней младенец. Охотник смотрит, удивляется, а жена схватила младенца на руки, к себе прижала.

Охотник говорит:

— Ошибся хозяин моря, чужого сына нам дал. Ведь наш-то был взрослым, настоящим охотником.

Жена говорит:

— Как же так — не наш сын? Это наш, точь-в-точь такой, каким был восемнадцать лет назад.

Мать понесла сына домой. Охотник остался на бе-

регу. На скале появился хозяин моря. Сидит, посмеивается. Потом говорит:

— Я своё слово сдержал, сына тебе вернул.

Охотник говорит:

— Почему он младенец? Ведь мой был взрослым, настоящим охотником!

Хозяин моря смеётся и говорит:

— Разве это охотник? Вместо нерпы за дельфином-косаткой погнался! Я ему кричу, чтобы гарпун свой убрал, а он не слышит, вот-вот бросит... Пришлось взять его под воду. Воспитай сына снова. Сам воспитай. Так воспитай, чтобы он стал настоящим мужчиной.

Охотник домой вернулся. Жена ребёнка качает, приговаривает:

— Как хорошо, что сынок опять со мной! Уж теперь-то я его уберегу! Никуда не отпущу! Глаз с него не спущу!

Муж говорит:

— Нет, теперь я сам буду его растить, едва он на ноги встанет — на охоту будет ходить. И вырастет у нас настоящий мужчина, настоящий охотник!

СОДЕРЖАНИЕ

МУДРЫЙ СТАРИК. Русская сказка. Пересказ А. Нечаева	5
КАК ОСКЮС-ООЛ ОБЫГРАЛ ХАНА. Тувинская сказка. Пересказ М. Ватагина	17
ТРИ ДОЧЕРИ. Татарская сказка. Пере- сказ В. Бояринова	23
ТАЙТЕРИШ. Ногайская сказка. Запись А. Найманова, пересказ А. Елагиной	29
СКРИПУЧАЯ СТАРУХА. Ульчская сказ- ка. Запись К. Белобородовой, пересказ М. Ватагина	39
БЕЛАЯ ЛЕБЕДЬ. Марийская сказка. Пересказ А. Елагиной	47
ТАЛА-МЕДВЕДЬ И ВЕЛИКИЙ КОЛ- ДУН. Саамская сказка. Пересказ А. Ела- гиной	57
БЕРЕЗОВЫЙ СОК. Карельская сказка. Пересказ Б. Привалова	65
ЛЕВ И КОМАР. Адыгейская сказка. Запись М. Темрюка, пересказ О. Воло- зовой	71
УПРЯМЫЙ КУЛИЧОК. Ненецкая сказка. Запись Н. Терещенко, пересказ Л. Гри- бовой	75
ЧИРКИ И ЛИС. Эскимосская сказка. Пересказ Г. Меновщикова	83
ХИТРАЯ ЛИСА. Корякская сказка. Пере- сказ Г. Меновщикова	87
НАСТОЯЩИЙ ОХОТНИК. Ороцкая сказка. Пересказ В. Сачковой	91

Для дошкольного возраста

БЕЛАЯ ЛЕБЕДЬ

Сказки народов РСФСР

Составитель Марк Германович Ватагин

Художник А. Коковкин

Редактор Б. Цыбина
Художественный редактор Д. Пчёлкина
Технический редактор Н. Жителёва
Корректоры Н. Пьянкова и Н. Шадрин

ИБ № 2122

Сдано в набор 25.12.86. Подписано в печать 21.09.87. 84×108/16.
Офс. № 1. Гарнитура банниковская. Печать офсет. Усл. печ. л.
10,0. Усл. кр.-отт. 62,0. Уч.-изд. л. 7,38. Тираж 100 000 экз. Изд.
№ 10313. Заказ № 1502. Цена 1 р. 40 к. Издательство «Малыш».
121352, Москва, Давыдовская ул., 5. Калининский ордена Тру-
дового Красного Знамени полиграфкомбинат детской ли-
тературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госком-
издата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

В $\frac{4803010200-011}{M102(03)-87}$ 106-87

© Издательство «Малыш» 1987

